

УДК 821.162.1

Александр ФЕДУТА

кандидат филологических наук, доцент
департамента социальных и политических наук
Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва)

ИЗ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЧИНОВНИКА (к биографии Франтишка Малевского)

В статье исследуется биография Ф. Малевского, которая интересна именно своей типичностью после ссылки. Также публикуем ниже документы из Российского государственного исторического архива, которые более полно реконструируют некоторые эпизоды биографии филомата и, одновременно, представить современному читателю реалии общественной жизни XIX века.

Биография члена общества филоматов Франтишка Малевского (1800 – 1870) в общих чертах хорошо известна, поскольку в силу жизненных обстоятельств он оказался в центре внимания исследователей польского романтизма. Один из ближайших друзей великого поэта Адама Мицкевича, он стал и его родственником, причем породнились они дважды: вначале Малевский и Мицкевич женились на родных сестрах Шимановских, Елене и Целине, дочерях выдающейся пианистки и композитора Марии Шимановской, а затем сын Мицкевича, Владислав, женился на своей двоюродной сестре Марии Малевской, упрочив семейные связи.

Но Франтишек Малевский интересен и сам по себе именно типичностью своей биографии после ссылки. Он не стал ярким деятелем культуры, выдающимся инженером или ученым, в отличие от других сосланных во внутренние губернии России членов тайных студенческих обществ Виленского университета 1820-х гг. Малевский, удивительно талантливый в юности, проявлявший склонности к истории и правоведению, жил жизнью обычного чиновника императорской России. По словам учившегося в Петербурге и знавшего его в конце 1840 – начале 1850-х гг. Тадеуша Бобровского, известного мемуариста и дяди Джозефа Конрада, Малевский отличался «сухостью, равнодушием и неотзывчивостью»¹.

Это понятно. Несмотря на то, что, с точки зрения любого нормального чиновника, Малевский сделал вполне удачную карьеру (дослужился до чина действительного статского советника и мог уйти в отставку сенатором, отчего отказался сам), в жизни его было много очевидно стрессовых ситуаций, которые, на наш взгляд, и заставили Франца Семеновича (так звучало его имя

¹ Бобровский Т. Дневник моей жизни // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 684 с.

в русской бюрократической системе), замкнуться в себе. Малевский не мог рисковать службой: имение отца он передал в качестве приданого своим сестрам, а потому жалованье оставалось единственным средством к существованию его собственной семьи. К тому же, он не брал взятки: Т. Бобровский вспоминал историю, как Малевского, отказывавшегося зафиксировать документально дворянское происхождение семьи Тышкевичей, не подтверждавшееся источниками, хранившимися в Литовской метрике, пытались подкупить, собрав ему 15 тысяч рублей, «чем дело окончательно и погубили, так как, задетый за живое, он заявил, что до тех пор, пока он метрикант, подобное свидетельство из Метрики никогда не выйдет»².

Публикуемые нами ниже документы из двух дел, хранящихся в фонде 1261 (II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии) Российского государственного исторического архива (РГИА), в Санкт-Петербурге, и описывают такие «стрессовые» ситуации из биографии Малевского. Первый из них касается ареста Малевского в 1831 году; второй – попытки его жены, Елены Малевской, помочь сестре, Целине Мицкевич, финансово. Оба факта достаточно известны историкам, но сами документы публикуются нами впервые и позволяют более полно реконструировать эти эпизоды биографии Франтишка Малевского и, одновременно, представить современному читателю те реальные обстоятельства, в которых жили люди XIX века.

Мы благодарим Станислава Генриховича Козлова-Струтинского и Дмитрия Олеговича Виноходова (Санкт-Петербург) за помощь в получении копий этих документов, а также г-жу Марию Прусак (Варшава, Институт литературных исследований Польской академии наук) и Михаила Юрьевича Катина-Ярцева (Москва) за бесценные консультации.

Однако вначале – еще несколько слов о чиновничьей биографии Малевского³.

После следствия по делу филоматов и филаретов, инициированного императорским комиссаром при Царстве Польском сенатором Н. Н. Новосильцовым, сын бывшего ректора Виленского университета Франтишек Иероним Малевский был выслан во внутренние губернии Империи. Вначале он поступил в распоряжение Министерства просвещения, однако затем вместе с Адамом Мицкевичем переходит в качестве внештатного чиновника в канцелярию московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына. Отсюда, по рекомендации Голицына, Малевский переезжает в Петербург, где устраивается на службу во II Отделение СЕИВ Канцелярии: начальник Отделения М. М. Сперанский руководит работой по кодификации имперского законодательства, частью которого является и законодательство отошедших к России в результате разделов земель Речи Посполитой. Необходимы чиновники, знающие польский язык. В таком качестве и востребован Франтишек Малевский.

Служит Малевский добросовестно. Он – один из тех, кому приходится разбираться с документами Литовской Метрики, и, в конце концов, уже после смерти покровительствовавшего ему Сперанского, Малевский станет руководителем этого подразделения. Понятно, что занять такой пост, имея

² Ibidem, С. 689.

³ Последнюю по времени относительно подробную реконструкцию биографии Фр. Малевского с опорой на ранее опубликованные документы (в первую очередь, на переписку бывшего филомата с родными и близкими) см.: Borowczyk J. Zesłane pokolenie : Filomaci w Rosji (1824 – 1870). – Poznań : Uniwersitet im. A. Mickiewicza, 2014. – S. 272–343.

серьезные взыскания по службе, бывший ссыльный просто не смог бы. Однако, как следует из публикуемых нами документов, опасность таких взысканий была, и их отсутствие – результат слепой воли случая и благосклонности начальства (М. А. Балугьянского, М. М. Сперанского, позже Д. Н. Блудова). Причем поводом могло стать все – и даже человеческое участие в судьбе близких Малевскому людей.

Фонд 1261, 1831 год, опись 1, дело 21. – листы 1 – боб.

1. Письмо Ф. С. Малевского М. А. Балугьянскому⁴, оригинал, на 2 листах

Ваше Превосходительство!

16-го сего месяца в 10 ½ часов по полудни присланный г. Полицмейстером Дершау⁵ квартальный надзиратель требовал меня к г. Обер-Полицмейстеру. Отправившись туда немедленно я узнал от г. Дершау, что Его ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было приказать арестовать меня вместе с чиновником Канцелярии Царства Польского г-ном Воловским⁶, и что сия ВЫСОЧАЙШАЯ воля последовала по делу, возникшему о занятии квартиры генерала графа Гауке⁷. – Г. Полицмейстер отослал меня и г. Воловского в дом 1-й Адмиралтейской части.

Повинуясь беспрекословно святой воле ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, я не прибежал к Вашему Превосходительству. Надежда на Высочайшее Правосудие обеспечивает меня и в сию минуту, но как время моего ареста умножается ежедневно, то и осмеливаюсь изложить Вашему Превосходительству, как моему благодетельному Начальнику обстоятельства дела, по которому меня постигло настоящее несчастье.

13-го сего месяца в 4 часа по утру скончалась здесь от холеры г-жа Шимановская⁸. Я был при последних ее минуте, подавая нужное пособие

⁴ Балугьянский Михаил Андреевич (1769 – 1847) – тайный советник (1828), статс-секретарь (1827), начальник II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (18226 – 1847).

⁵ Дершау Карл Федорович (1784 – 1862) – барон, обер-полицмейстер Санкт-Петербурга в 1829 – 1835 гг.

⁶ Воловский Теодор – юрист, цензор, первый секретарь в канцелярии Государственного секретариата Царства Польского, младший брат Марии Шимановской.

⁷ Гауке Юзеф (1790 – 1837) – граф, флигель-адъютант императора (1826). Малевский допускает некоторую неточность: генералом был старший брат Ю. Гауке, Мауриций Гауке, погибший в Варшаве в 1830-м г. в ходе ноябрьского восстания. Сам Ю. Гауке получил чин генерал-майора только в 1833 году, и во время описываемых событий состоял в чине полковника. Гауке проживал в том же квартале, что и М. Шимановская: Итальянская улица, № 4 – 7, квартира № 333.

⁸ Шимановская Мария (1789 – 1831) – пианистка-виртуоз, композитор. Первая пианистка императорского двора. Умерла от холеры 25 июля 1831 г. в Петербурге. Присутствовавший при ее кончине доктор Министерства внутренних дел, друг и земляк Фр. Малевского, Станислав Моравский вспоминал: «Шимановская наша в 25-й день июля 1831 года, еще минуту назад здоровая, веселая и пригожая, стала жертвой этого морового поветрия. Не прошло и нескольких часов тяжких мучений, перенесенных ею с удивительной твердостью и невероятным спокойствием духа, как она умерла, и одно из самых величайших украшений пола своего, одна из величайших слав страны нашей стала заступником нашим перед Богом». См.: Моравский Ст. В Петербурге: 1827 – 1838 / Ст. Моравский // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 585 с. Фр. Малевский писал А. Мицкевичу по поводу этой кончины 14 / 26 ноября 1831 г.: «Не имел я представления до сих пор о том, что такое семейное несчастье, и в такой семье, для которой бы мать, притом такая мать, была единственным источником существования.

опечаленному ея семейству⁹. Крайняя опасность, дабы дети не бросались к телу матери, заставила брата покойницы г-на Воловского удалить тогда же из дому все семейство и отвести оное на квартиру генерала графа Гауке, находящуюся в соседственном доме. Зная, что граф Гауке жил в тесной дружбе с покойницею, зная даже, что его квартира после отъезда его в Петергоф оставалась на попечении покойной Шимановской, я не сделал никакого возражения г-ну Воловскому и даже уговаривал препятствующего входу в дом полковника Эссена (?)¹⁰, который по ложному сообщению дворника полагал, что г. Воловский внес в дом мертвое тело и привел больные особы¹¹. – Член здешнего физиката¹² доктор Фридбург¹³ был свидетелем всего происшествия. И он, и г. генерал штаб-доктор Реман¹⁴, по своему человеколюбию подавая помощь и утешение семейству, нашли оное в лучшем здравии. Сам даже полковник Эссен, увидев неосновательность своих сомнений, посетил в тот же день сирот и извинился в своем сопротивлении.

Убежденный в совершенной моей невинности, я не могу сокрыть надежды, что Ваше Превосходительство не оставите меня в сем несчастье без начальнического покровительства.

Вашего Превосходительства
Покорнейший слуга
Франциск Малевский
22 июля 1831 года
В доме 1-й Адмиралтейской части

<...> Эта женщина была чем-то невероятным среди женщин. Ее образ по сей день снится мне ночами...» – здесь и дальше перевод наш: Archiwum filomatów. Listy z zesłania. – Т. 3 : Krąg Franciszka Malewskiego i Józefa Jeżowskiego. – Warszawa : Ancher, 1999. – 353 s.

⁹ Елена Шимановская писала в своем дневнике: «Малевский <...> из уст моих узнал о нашем несчастье. Он сейчас будет мне матерью, будет всем, всем. <...> Малевский приказал нам немедленно оставить дом, и мы перебрались в квартиру госпожи Гауке, которая сейчас в Петергофе. Малевский нас ни на минуту не оставляет. Он наш ангел-хранитель и утешитель» – Szymanowska-Malewska H. Dziennik (1827 – 1857) / H. Szymanowska-Malewska Szymanowska-Malewska. – Warszawa : Ancher, 1999. S. 235.

¹⁰ Возможно, имеется в виду Карл Карлович Эссен (? – после 1837 г.), отставной полковник.

¹¹ Настороженность дворника была вызвана слухами о том, что восставшие поляки преднамеренно распространяют холеру. «Северная Пчела» вскоре после смерти М. Шимановской писала: «Разгласили, будто поляки отравляют реки, колодези, поля, печеный хлеб и т.п. И это разглашение оказалось не имеющим никакого основания. В числе взятых по подозрению в отравлении не оказалось ни одного поляка, и если бы варшавские мятежники могли подослать сюда отравителей, то конечно они начали б с солдат, а солдат-то именно менее прочих заболело. Нет! Поляки сами страдают от холеры. Она свирепствует у них в Варшаве, в Кракове и во многих других городах. Кто же у них отравляет людей? Неужели они сами?» – <Булгарин Ф.В.> Петербургские записки. О холере // Северная Пчела. – 1831. – № 165. – С. 4. – Вместе с тем показательно, что «Северная Пчела» не опубликовала развернутой некрологии М. Шимановской, ограничившись кратким упоминанием о ее кончине (см.: Северная Пчела. – 1831. – № 159. – С. 1).

¹² Физикат – врачебная управа в дореволюционной России.

¹³ Доктор Фридбург (Фридебург) был некоторое время смотрителем виленских госпиталей, поэтому естественно, что его пригласили, вероятно, знавшие его по Вильне Фр. Малевский и Ст. Моравский.

¹⁴ Реман Осип Осипович (1797 – 1831), действительный статский советник, лейб-медик императорского двора, занимавший пост генерал-штаб-доктора гражданской части с 1821 года, умер от холеры 25 сентября 1831 года.

2. Письмо на бланке канцелярии Санкт-Петербургского обер-полицмейстера (1-й стол), оригинал

Господину Статс-Секретарю Балугьянскому
28 июля 1831 г.
№ 4636

К производимому Следственным приставом Ивановым делу, о поступке служащего в собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии Виленского помещика Малевского, покорнейше прошу Ваше Превосходительство прислать Депутата и приказать ему явиться на сей предмет в 3-ю адмиралтейскую часть и меня о том уведомить.

Генерал-Маиор Кокошкин¹⁵

3. Отпуск распоряжения М. А. Балугьянского

Господину Коллежскому Советнику Клокову

В следствие отношения ко мне С<анкт>-Петербургского обер-полицмейстера рекомендую вам явиться в 3-ю Адмиралтейскую часть для бытия депутатом при следствии, производимом следственным приставом Ивановым о поступке причисленного к сему отделению Виленского помещика Коллежского Ассесора Малевского.

Подписал Статс-Секретарь М. Балугьянский

4. Отпуск письма М. А. Балугьянского С. А. Кокошкину

Милостивый государь Сергей Александрович!

В следствие отношения Вашего Превосходительства от 28 июля № 4636 назначил я служащего во 2-м Отделении Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии Коллежского Советника Клокова депутатом при следствии, производимом следственным приставом Ивановым о поступке служащего в упомянутом Отделении Виленского помещика Малевского, по которому я предписал немедленно явиться в 3-ю Адмиралтейскую часть.

С совершенным почтением имею честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою

подписал М. Балугьянский

5. Отпуск письма А.М. Голицына¹⁶ М. М. Сперанскому¹⁷, на 2 листах

24 марта 1832 года
Милостивый Государь Михайло Михайлович!

Прикомандированный ко 2-му Отделению Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии Коллежский Ассесор Малевский, принимавший участие в происшествии, случившемся в июле месяце прошлого года в доме Лазарева¹⁸ по случаю смерти от холеры известной

¹⁵ Кокошкин Сергей Александрович (1795 или 1796 – 1861) – генерал-майор (1830), Санкт-Петербургский обер-полицмейстер (1830 – 1847).

¹⁶ Голицын Андрей Михайлович (1792 – 1863) – генерал-майор свиты (1828), генерал от инфантерии (1829)

¹⁷ Сперанский Михаил Михайлович (1772 – 1839) – главноуправляющий II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (1826 – 1839).

¹⁸ Лазарев Лазарь Екимович (1797 – 1871) – полковник, сын основателя Лазаревского института восточных языков. Дом Лазарева располагался по адресу Итальянская улица

фортопианистки Шимановской, по Высочайшему повелению был арестован, а в последствии времени освобожден из под ареста с вменением ему в наказание содержание под стражею.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, усмотрев из представленного ныне С<анкт>-Петербургским Военным Генерал-Губернатором об означенном происшествии следственного дела, что Коллежский Ассесор Малевский принимал только дружеское участие в оставшемся семействе покойной Шимановской и со стороны его не было при сем случае сделано никаких предосудительных поступков, – Высочайше повелеть соизволил вмененный ему в наказание арест отменить, не внося оно в формулярный о службе его список.

Доводя до сведения Вашего Высокопревосходительства о таковой МОНАРШЕЙ воле, имею честь быть с совершенным почтением и преданностию Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою граф А. Голицын.

№ 819, 17 марта 1832 года¹⁹

Очевидно, что стресс, испытанный Фр. Малевским и в молодости, и в первые годы его жизни в Петербурге, когда он чувствовал себя еще достаточно неуверенно, не могли не сказываться впоследствии – особенно после его ареста 28 июля – 10 августа 1831 года. Е. Боровчик отмечает: «Из писем Малевского, написанных после освобождения, следует, что, с одной стороны, он попросту испугался: находясь под петербургским арестом, он ведь не мог не вспомнить берлинский арест 1824 года, а затем пребывания в виленской келье. С другой стороны, подошел он к этой ситуации уже человеком зрелым и с определенной степенью дистанцирования. Чиновничья должность, забота об осиротевших барышнях Шимановских, наконец, конкретные свадебные планы – все это превратило бывшего энтузиаста и преимущественно послушного мальчика (в особенности в письмах к отцу) в зрелого мужчину, совершающего самостоятельные шаги – профессиональные и жизненные»²⁰. К тому же, несмотря на всю его замкнутость и настороженность, отмеченную Т. Боровским (см. выше), он имел все основания полагать: как и большинство других этнических поляков, находящихся на государственной службе и поддерживающих отношения с заграничными родственниками, он в любой момент вновь может оказаться под подозрением.

№ 13. Ныне в этом здании расположен Санкт-петербургский театр музыкальной комедии.

¹⁹ В письме отцу, бывшему ректору Виленского университета профессору Шимону Малевскому, от 3 / 15 августа 1831 года Франтишек Малевский писал: «Стечение несчастных обстоятельств стало причиной того, что невинность моя не столь быстро могла быть установлена. Отъезд графа Орлова, потом отъезд Сиятельного Государя, потом рождение нового Великого князя помешали, так что посланное прошение нескоро попало в руки Императора. Уже, было, началось следствие, но через два дня после его начала пришло освобождение. Не чувствуя себя ни в чем виноватым, 15 дней ареста считал я 15 днями болезни, которая может неожиданно настичь каждого. Был внутренне спокоен и если о чем и беспокоился, то исключительно о мнении моих почтенных начальников, которые, не зная детально моих поступков, могли меня заподозрить в чем-либо нехорошим. Но когда следствие началось, был спокоен я и о том, так как знал, что моя невинность будет установлена. Однако начальник мой встретил меня словами утешения, свидетельствующими, что ничуть в его сердце благосклонности я не утратил» – цит. по изд.: Archiwum filomatów. Listy z zesłania... Op. cit., S. 215.

²⁰ Borowczyk J. Zesłane pokolenie... Op. cit., S. 303.

Один из случаев, когда подобная возможность превратилась в реальность, отражен в следующем публикуемом нами комплексе документов.

Фонд 1261, 1854, опись 1 дело 65-в, листы 77-78

1. Письмо А. Ф. Орлова²¹ Д. Н. Блудову²² на бланке III Отделения СЕИВ Канцелярии, оригинал (подчеркивания в оригинале)

Секретно

23 июня 1854 года

№ 1147

Господину Статс-Секретарю Графу Блудову

Генерал-адъютант Граф Ридигер²³ сообщил мне, что супруга служащего в 2-м Отделении Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии Действительного Статского Советника Малевского²⁴ прислала в Варшаву, к сотруднику редактора журнала «Дневник Варшавский», Вацлаву Шимановскому²⁵ десять экземпляров литографии, отпечатанной в С<анкт>-Петербург²⁶ и изображающей портрет родной сестры²⁷ ея, г-жи Малевской, жены политического изгнанника Мицкевича²⁸, и двух дочерей последнего²⁹, с просьбой продать эти литографии в пользу Мицкевича³⁰; что Шимановский

²¹ Орлов Алексей Федорович (1787 – 1862) – граф, генерал от кавалерии (1833), главноуправляющий III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, шеф корпуса жандармов (1844 – 1856).

²² Блудов Дмитрий Николаевич (1785 – 1864) – граф (1842), главноуправляющий II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (1839 – 1861).

²³ Ридигер Федор Васильевич (1783 – 1856) – граф (1847), генерал от кавалерии (1831), генерал-адъютант; исправляющий должность Наместника Царства Польского (1853 – 1855).

²⁴ Малевская (урожденная Шимановская) Елена (1811 – 1861) – дочь М. Шимановской, жена Фр. Малевского с 23 января / 4 февраля 1832 года.

²⁵ Шимановский Вацлав (1821 – 1886) – писатель и журналист, с 1868 г. – редактор газеты «Варшавский курьер».

²⁶ Вероятней всего, литография была сделана на основании портрета сестры и племянниц, написанного сестрой Целины и Елены, Зофьей Шимановской. Литографии могли быть отосланы из Петербурга в середине марта 1854 г. Во всяком случае, Елена Малевская пишет сестре мужа, Марии Малевской, в Вильну 7 апреля 1854 года: «Вы должны были уже получить, дорогие сестры, портрет Целины, и не сомневаюсь, что он вам понравился» – цит по изд.: Sudolski Z. Panny Szymanowskie i ich losy / Z. Sudolski. – Warszawa : Ludowa spóldzielnia wydawnicza, – 1986. S. 347.

²⁷ Мицкевич (урожденная Шимановская) Целина (1812 – 1855) – дочь М. Шимановской, жена А. Мицкевича с 22 июля 1834 года.

²⁸ Мицкевич Адам (1798 – 1856) – поэт и политический деятель. Формально его отъезд в мае 1829 года из России не был эмиграцией: он отправился в заграничное путешествие вполне легально, причем разрешение на это было получено по ходатайству княгини З.А. Волконской и с использованием связей Ф.В. Булгарина в III Отделении СЕИВ Канцелярии. Однако после начала восстания 1830 – 1831 гг. Мицкевич не вернулся в Россию, но неоднократно высказывал поддержку восставшим и примкнул к «великой эмиграции», образовавшейся в Европе после поражения восстания.

²⁹ У Адама и Целины Мицкевичей были шестеро детей, в том числе двое дочерей – Мария (1835 – 1922), ставшая женой поэта Антония Горецкого, и Елена (1840 – 1897), вышедшая замуж за Людвига Гриневецкого.

³⁰ Запрет на публикации произведений Мицкевича и какой-либо информации о нем на территории Царства Польского был введен наместником Царства И.Ф. Паскевичем и длился с 1834 по 1858 год. Наиболее полный обзор цензурной ситуации вокруг А. Мицкевича и его произведений см.: Rowicka M. Wydawnicze i cenzuralne losy twórczości Adama Mickiewicza w okresie zaborów / M. Rowicka. – Warszawa : Biblioteka Narodowa, 2014. – 437 s.

приступал уже к разыгранию упомянутых литографий в лотерею³¹; но он, граф Ридигер, запретил это и сверх того учредил секретный надзор за жительствовавшими в Варшаве Казимирую Воловскою³² и Лаурою Герен³³, которые, как видно из письма г-жи Малевской, постоянно оказывают помощь жене Мицкевича.

Принимая во внимание, что по существующим ВЫСОЧАЙШИМ повелениям воспрещено посылать за границу пособия изгнанникам³⁴, я долгом считаю письмо г-жи Малевской и один экземпляр литографии препроводить к Вашему Сиятельству, покорнейше прося Вас, милостивый государь, приказать возвратить ко мне означенное письмо по минованию надобности.

Генерал-адъютант Граф Орлов

2. Черновик писарской рукой письма Д. Н. Блудова А. Ф. Орлову

Милостивый государь Граф Алексей Федорович!

Возвращая Вашему Сиятельству присланное мне при отношении от 23 сего июня за № 1147-м письмо и литографию, имею честь уведомить Вас, что мною сделано надлежащее распоряжение для поставления на вид г-же Малевской, чрез мужа ея, чиновника II Отд. Собств. Его И. В. Канцелярии неосторожность, неприличность и также даже противозаконность некоторых действий ея для доставления пособия сестре своей г-же Мицкевич, хоть, по мнению моему, сии действия и могут, до некоторой степени, быть извинены, как чувством любви к сестре, так и незнанием законов, столь общим у нас, особливо между женщинами³⁵. Я сделал внушение и г-ну Малевскому о обязанности его строго наблюдать за всеми поступками жены.

Имею честь быть с совершенным...

³¹ Благотворительные лотереи в пользу вдов и сирот были в тот период обычным делом. Как правило, лица, близкие к семейству, которому предполагалось оказать помощь, занимались распространением билетов среди знакомых. Так поступили и после смерти Марии Шимановской, когда ее дети остались практически без средств к существованию. Организацией лотереи в 1832 году занималась Елена, старшая из сестер. Однако тогда лотерея по каким-то причинам не состоялась. Князь П. А. Вяземский писал 26 марта жене, Вере Федоровне: «Надобно возвратить деньги по лотерее Шимановской, на которую я раздавал билеты. Записка, кому даны билеты, и остальные должны быть у тебя. Лотереи не будет. Я кое с кого содрал деньги, кажется, с Свербеевых, с княжен Мещерских etc. Сделай милость, не забудь отдать деньги, кому следует» – Вяземский П. А. Письма к жене за 1831 – 1832 гг. / П. А. Вяземский // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV – XX вв. – Вып. IX. – М.: Госкультпросветиздат, 1951. – 318 с.

³² Воловская Казимира (? – ум. ок. 1885 г.) – сестра М. Шимановской.

³³ Герен Лаура – неустановленное лицо.

³⁴ Ситуация осложнялась тем, что весной 1854 г. Российская империя находилась в состоянии войны с Францией (Франция объявила войну 15 / 27 марта 1854 года), поэтому оказание помощи жене политического эмигранта, проживавшего во Франции, могло трактоваться как удвоенная нелояльность.

³⁵ Елена Малевская писала в это же время другу Адама Мицкевича, бывшему члену общества филоматов, поэту Антонию Эдварду Одыньцу: Мицкевич «на вопрос одного из давних знакомых, чем он занимается, отвечал со скорбью: "Ни о чем не могу думать, когда мои дети терпят голод и нужду". Не могу выразить милостивому государю, как страдаю я, думая о них, слыша, как трудно найти средства к существованию в их столь заслуживающем сочувствия положении» – цит. по изд.: Sudolski Z. Panny Szymanowskie i ich losy... Op. cit., S. 348. – Целина Мицкевич умрет 5 марта 1855 года. Адам Мицкевич умрет 26 ноября 1855 года. Елена Малевская добьется разрешения привезти осиротевших племянников в Россию, где будет опекать их до самой смерти.

№ 488
30 июня 1854 г.
Его Сиятельству графу А. Ф. Орлову

За поступками Елены Малевской явно наблюдал не только муж. В приписке к письму Елены к третьей сестре, Зофии Шимановской (будущей жене поэта Теофиля Ленартовича) их тетка Казимира Воловская, проживавшая в Варшаве, пишет: «Присылайте письма к ней (Елене Малевской. – А. Ф.) на мое имя; пишите осторожно, потому что с Петербургом шутить не стоит. Я отсюда перешлю их почтой»³⁶. Очевидно, что семья Малевских находилась под постоянным надзором, несмотря на карьеру Франтишка и близость Елены Малевской с женами многих высокопоставленных чиновников. Для того, чтобы подозревать существование такого надзора были реальные основания.

***Aleksander Feduta. Z życia prywatnego urzędnika
(do biografii Franciszka Malewskiego).***

W artykule bada się biografia Franciszka Malewskiego, która interesująca właśnie swoją typowością po powołaniu. Również publikujemy niżej dokumenty z Rosyjskiego państwowego historycznego archiwum, które pełniej rekonstruują niektóre epizody biografii filomata i, jednocześnie, przedstawić współczesnemu czytaczowi realium życia społecznego XIX stulecia.

***Oleksandr Feduta. From life of private official
(to biography of Franciszka Malewskiego).***

Biography of Franciszek Malewski, that interesting exactly the typicalness on reference, inspects in the article. Also we publish below documents from the Russian record historical office that more fully rekonstruują some episodes of biography of filomata and, at the same time, to present reality of public life of XIX of century to the modern reader.

³⁶ Sudolski Z. Panny Szymanowskie i ich losy... Op. cit., S. 359.